

Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009. 208 с.

Последние международные конгрессы и межрегиональные конференции византиноведов показали как достаточную изученность основного фонда источников, так и сходство интерпретаций фактического материала, а также продемонстрировали близкие выводы и общие представления об исследовательских проектах разных историографий. Иными словами, в то время когда трудно ждать сенсаций в источниковедении¹, вновь возникает вечный вопрос о неисчерпаемости источников при условии принципиальной новизны задаваемых им вопросов, т.е. перед византинистами остро встает необходимость выбора новых методологий и новых аспектов исследования. И потому монография К.В. Хвостовой с ее системным подходом к византийской цивилизации является важным и своевременным исследованием не только для отечественного, но и для мирового византиноведения.

Новая работа исследовательницы представляет собой дальнейшую разработку проблем, поставленных ею в многочисленных статьях, а также в монографии “Особенности византийской цивилизации”². Исследование византийской цивилизации как исторической парадигмы в сравнении со средневековым Западом (фон и точка отсчета) – тема сложная, неисчерпанная и очевидно предполагающая дальнейшие усилия как К.В.Хвостовой, так и ее коллег. Остановимся на этапе изучения этой темы, представленном рецензируемой монографией. Исходным пунктом ее является выработанное исследовательницей и утвержденное предыдущими работами определение термина: “цивилизация – это совокупность функциональных и корреляционных связей между социально-экономическими, политико-правовыми и культурологическими факторами, образующими тенденции, традиции, институты, отношения в определенном достаточно длительном пространственно-временном диапазоне”. Такие связи составляют, по мнению К.В. Хвостовой, содержание мировоззренческих доктрин, нравственных понятий, социально-экономических, политических и правовых концепций, самосознания этноса и социума и являются параметрами цивилизации (с. 6–7).

Монография содержит восемь глав, предисловие и заключение. В первой главе названы проблемы и методы исследования; характер методов определяется необходимостью анализировать не конкретные события, а тенденции и традиции (с. 12). Наряду с традиционными методами интерпретации применяются методики новейших междисциплинарных исследований: анализ информационных процессов, семантический анализ понятийного аппарата представлений о мире и обществе, современ-

---

¹ Основное пополнение идет за счет находок моливдовулов и монетных кладов, отсюда и обращение крупных ученых к этим источникам.

² *Хвостова К.В. Особенности византийской цивилизации. М., 2005 (удостоена премии Президиума РАН им. Н.И. Кареева).*

ная герменевтика, логические концепции уточнения идей и понятий, сужения или расширения их семантического диапазона, а также количественный анализ обширных данных византийских актов (с. 6–19). Основными проблемами этой монографии являются цивилизационные параметры византийского общества на материалах землевладения и права, тесно связанных между собой. Социально-экономические и правовые проблемы в главах II (“Спорные правовые вопросы византийской земельной собственности”) и III (“Специфические черты византийской проники”) значительно расширены и переработаны по сравнению с предыдущей работой (об особенностях византийской цивилизации) и увязаны с новыми главами – V (“Положение поземельно зависимых крестьян-париков”) и VI (“Роль и значение права прецедентов”).

К.В. Хвостова на протяжении всей книги выявляет правовой генезис и тенденции развития общественных и государственных институтов, прослеживая их эволюцию в праве с начала кодификации римского законодательства и включая как вульгарное римское право эпохи становления византийской монархии, так и последующие официальные кодификации и нормы “права прецедентов”. На всем протяжении истории в империи доминировала полная безусловная собственность на землю в отличие от иерархической собственности на Западе. На Западе происходил сложный синтез местных обычаев, варварского права и традиций вульгарного римского права. А в Византии переработанное римское право (издавались его кодификации) сочеталось с правотворчеством императоров. Во времена Юстиниана складываются доминирующие на протяжении всей последующей византийской истории формы собственности, а также механизмы воспроизводства цивилизации во времени, определяемые механизмами переработки правовой информации. На Западе происходило смешение понятий “собственность” и “владение”, частных и публичных прерогатив, а в Византии государство, заинтересованное в свободном крестьянском землевладении (краеугольный камень имперской налоговой системы), принимало энергичные меры по разграничению частного и публичного права. Византийское правосознание воспринимало собственность как институт, связанный с деятельностью земной власти, получающей божественную благодать, и К.В. Хвостова (впервые в науке) рассматривает вопрос о влиянии восточной патристики и богословия на формирование и функционирование социально-политических и правовых институтов (с. 20–32).

Публично-правовая эксплуатация (взимание налогов), преобладавшая над рентными отношениями, – решающий фактор своеобразия византийского условного землевладения, так и не превратившегося в иерархические земельные отношения западного типа (с. 39). К.В. Хвостова подчеркивает имплицитно существовавшую ведущую идею византийской политэкономии – попечение императора о подданных (с. 40–41) как отражение сакрального характера византийского общества. В Византии (вопреки традиционной точке зрения о преобладании полной собственности на землю) в позднее время преимущественно на монастырских землях развивались и специфически отличные от Запады виды условного землевладения. При этом, как специально подчеркивает К.В. Хвостова, не соблюдался принцип *superficies solo cedit* классического римского права, что свидетельствует о возрастании роли вульгарного римского права (с. 30).

В главе V синтезируется многолетний опыт автора по изучению положения поземельно-зависимых крестьян-париков. Автор приводит усовершенствованную аргументацию для обоснования разработанного ею коэффициента имущественного расслоения средневековых крестьян. Применение этого коэффициента позволило определить меру отклонения расслоения крестьян в отдельных поселениях от оптимальной для аграрного общества нефактической, виртуальной структурной модели, при которой все крестьяне владели бы нормальным наделом. Анализ результатов применения этого коэффициента, показавших умеренный размах расслоения крестьян, позволил К.В. Хвостовой опровергнуть распространенное в византино-

ведческой литературе мнение, согласно которому в поздней Византии существовали благоприятные условия для приобретения поземельно зависимыми крестьянами (наряду с их наделом на парическом праве) земли в собственность. Более вероятной, по мнению автора, представляется ситуация, при которой такие крестьяне становились арендаторами. Автор справедливо указывает на то, что в византийском праве отсутствует четкое определение статуса парика: нет закона, возводящего этот статус к статусу колона, хотя сходство несомненно (с. 92). Новым и плодотворным является вывод о многообразии форм парикии в зависимости от воли собственника земли и от активности и имущественного положения самого парика (помимо держания за ренту он мог иметь участок земли либо на правах полной собственности, либо на правах арендатора у своего же господина или у других лиц, он мог быть одновременно париком двух лиц – с. 100). Обоснованно мнение автора и о том, что парики – даже после 30 лет непрерывного владения и возделывания чужой земли – оставались ее “квазисобственниками”: они были обязаны трудиться на наделе и платить ренту, но господин уже не мог отныне выдворить их из имения.

Глава VI о праве прецедентов является новой разработкой исследовательницы. К.В. Хвостова рассматривает ненормативность, неоднозначность и некоторую неокончателность записанного права прецедентов, а главное – необходимость регулярного подтверждения привилегий. Право прецедентов не является, таким образом, чем-то постоянным, упоминание в хрисовулах о его “вечном” характере не более чем риторический прием, не создающий правовых гарантий (гарантии создавались только личными отношениями с императором, а также социальным статусом и авторитетом получателя земель и привилегий – с. 131–133). Индивидуальное и субъективное право прецедентов в Византии носило публичный характер, тогда как на Западе оно могло быть и публичным, и частным (с. 126–127). Исследовательница отмечает, что доминирование в области публичного правопорядка в поздней Византии субъективного права прецедентов демонстрирует своеобразие византийского правового развития, его незавершенность в условиях системного государственного кризиса (с. 140). Автор убедительно показывает, что юридическим источником права прецедентов являлось сингулярное римское право, процессуальная и нотариальная практика, римское преторское право, и связывает свое понимание права прецедентов с важнейшим институтом политико-правовой жизни Византии – византийской пронией.

Содержание пронии варьировалось от отчисления чиновнику или военачальнику за их службу налоговой квоты с определенной территории до пожалования им прав попечения в отношении этой территории. Проблемы пронии неоднократно рассматривались византинистами, однако запутанный правовой статус этого института, не нашедший отражения в нормативном праве, так и не получил четкого определения. К.В. Хвостова полагает, что те виды пронии, которые включали права попечения над территорией, регламентировались правом прецедентов, развивавшимся в рамках вульгарного римского права с его смешением прав собственности, владения и прав на чужую землю (с. 46–63). Автор доказывает, что прония, регламентируемая правом прецедентов, представляла собой совокупность правовых и социально-экономических казусов, составляющих специфику византийской цивилизации (с. 64). Формирование крупного землевладения и пронии как государственного института не получило нормативного оформления, что, по мнению К.В. Хвостовой, отражает традиционность византийской политико-правовой системы, главной составляющей ее парадигмы (с. 140).

К.В. Хвостова впервые в своих работах поставила проблему особенностей сакрального характера византийского общества; исследование этой проблемы составило ключевой раздел предыдущей монографии и вошло (в дополненном и переработанном виде) в рецензируемую работу. Автор останавливается на заметном влиянии в поздней Византии учения византийского мистика Григория Паламы о бо-

жественных энергиях, содержащих логосы (идеи-воления), ниспосылаемые в мир и сочетающиеся с синергиями людей, в результате чего возникает обожение человека. Сакрализация византийского общества, использование для обозначения развивающихся повседневных явлений, понятий, включающих в себя наряду с другими смыслами и богословский³, – византийский способ снятия дихотомии высшего мировоззренческого уровня идей (мир небесный), с одной стороны, и уровня практических представлений повседневной жизни (мир земной) – с другой. Эти два уровня идей в рамках византийского мирозерцания, как полагает К.В. Хвостова, не разъединялись как на средневековом Западе, где происходила постепенная секуляризация сознания, но объединялись в единую концепцию. Это различие западного и восточного христианства обусловило характерную для византийского менталитета идею единства общества и природы, прослеживаемую затем в русской религиозной интуитивистской философии конца XIX – начала XX в. Византийцы с метафоричностью их сознания не только владели искусством расширения объема понятия и перенесения смысла на новый денотат, они понимали роль слова и интерпретации в передаче мысли и выработке нового понятия (с. 71–72)⁴. Знаток юриспруденции Ф. фон Халлем отметил, что в Византии закон не имел обязательной силы, тогда как на Западе римское право с его принципом обязательности закона повлияло и на западное вероисповедание. Юристы – Тертуллиан и Августин – внесли рациональность в веру, и возникли присущие ей вплоть до XX в. западные богословско-философский и научный рационализм и детерминизм, уступившие в наши дни место так называемой постнеклассической рациональности. В Византии же на протяжении всей тысячелетней истории преобладало римское, причем классическое, а не вульгарное, право. Оно, однако, по мнению К.В. Хвостовой, не повлияло на богословие. Богословию в Византии были свойственны идеи постоянного причащения тварного божественным логосам, и, таким образом, богословие определило характер политической ортодоксии и отношение к закону, а не наоборот, как на Западе.

Одно из основных противоречий византийской цивилизации: признание на уровне теории и правосознания единства частного и публичного права и нарушение этого единства в повседневной жизни – снималось в рамках политической ортодоксии (единство Церкви и государства), являвшейся государственной идеологией. Исследовательница впервые разрабатывает гипотезу об имплицитно существовавшей византийской политэкономической идее, связанной с представлением о божественной энергии и синергии (способности человека приобщаться к ней) и “метексисе” – проникновении в мир божественной благодати. Идея синтеза устойчивых традиционных институтов и доктрин и постоянно меняющихся факторов повседневности отражает глубокую трактовку византийцами понятия единства жизни, осуществляемую в рамках присущей им целостной картины мира. Автор считает идеи синтеза

³ Наиболее характерными являются такие наименования, как *прония*, *анипостати*, *энипостати*, *телос*. *Прония* означает в переводе с древнегреч. “заботу, попечение”. В богословии – это важнейшая категория, означающая божественный промысел. В практике византийских социально-правовых отношений – это пожалование чиновнику или военачальнику за службу налоговой квоты с определенной территории. В рамках политической доктрины *прония* означала попечение императора в отношении подданных. *Анипостати* в богословии выражают мнимую сущность; в византийской повседневной экономической жизни – это безземельные крестьяне. Наименование *энипостати* использовалось в богословии для обозначения факта наличия божественной сущности; в экономической практике выражение служило для наименования крестьян, имевших земельный надел. *Телос* в богословии означает божественное целепологание, в реальной жизни – это термин, употребляемый для обозначения подушно-поимущественного налога с крестьян (с. 66).

⁴ Теоретические проблемы метафорического сознания рассматриваются в рамках современной герменевтики.

божественности и тварности, формы снятия антиномий духовного и общественного развития Византии (т.е. механизмы воспроизводства цивилизации во времени, обнаруживающие концепцию целостной картины мира) византинизмами, условно названными ею “оправданием жизни”. “Византинизм” – это также и восприятие византийцами коллективного и индивидуального опыта, как единой истины, отражающей божественный дар (с. 81 и сл.).

Византийская цивилизация осталась незавершенной после гибели византийской государственности, и проблема возможности появления альтернативного пути снятия антиномий между факторами цивилизационного и событийного ряда остается открытой.

Особое внимание в монографии уделено византийскому городу, который был выразителем имперской идеологии, самосознания и идентичности. В Византии, в отличие от Запада с его представительными учреждениями, народное собрание и сенат уже с VI в. не играли никакой политической роли. Византия, по глубокому убеждению автора, была не демократическим, а авторитарным государством, где авторитет императора играл первенствующую роль. Сходство государственных институтов Византии и институтов в современных государствах – иллюзорное, за которым скрываются различные гетерогенные системы.

Отсутствие в Византии демократических порядков, которые могли бы быть уподоблены современным принципам демократии, ясно проявляется в положении византийского города. На средневековом Западе город, как известно, был носителем сословного городского самосознания, которое противостояло самосознанию светских и церковных властей и развивалось вне рамок традиционных общественных институтов. Благодаря этому городское самосознание рождало тенденцию существенных будущих перемен в области политической теории и социального поведения. В Византии город – центр и выразитель единого государственно-этнического самосознания, сформировавшегося в рамках традиционных институтов и традиционной политико-правовой и религиозной доктрины. Город как центр и выразитель идей бюрократического государственного управления, центростремительных тенденций и настроений элиты – одно из важнейших проявлений относительной стабильности византийской цивилизации (с. 175). Ярким проявлением специфики самосознания византийского города было не только отсутствие сословного правосознания, но даже четкого юридического определения социальной стратификации населения города (с. 183–184).

В главе VII монографии “Византийская философия истории” анализируются представления византийцев о циклическом времени (которое они трактовали как повтор факторов внешнего вынуждения) в рамках линейного христианского провиденциалистского времени. Рассматривается также интерпретация византийцами античных понятий судьбы и случая, реконструируется византийская прогностика: социальный опыт и знание человеческой природы с дарованными человеку свыше добродетелями (которые человек, обладающий свободой воли, может реализовать или не реализовать) позволяют, по мнению византийцев, предвидеть “будущее на основе знания прошлого”. Традиционность византийского понятийного аппарата, связанного с философией истории, правосознанием и повседневностью, по мнению автора монографии, не только является характерной чертой византийской цивилизации, но и отражает механизм ее воспроизводства во времени (с. 141–169).

К.В. Хвостова показывает, что богословские идеи и политико-правовые принципы, определяющие мирозерцание эпохи и ее знаковую систему в целом, являлись в значительной мере источником той формы, в которой реализовалось обобщение непосредственных наблюдений и социального опыта современников. Именно они определяли единство общественного сознания эпохи (с. 152). Для обозначения ориентации в обществе византийцы употребляли выражение “стохадзомай” (“предпо-

лагаю”). Принятие неоднозначного решения сопоставляется с результатом бросания игральной кости. Поскольку означенный пример является классическим при рассмотрении равномерного распределения вероятностей в современной теории вероятностей, то К.В. Хвостова полагает, что византийцам было присуще упрощенное, выраженное (на уровне обыденного сознания) представление о стохастическом характере общественных тенденций (с. 159). Это понимание, как полагает исследовательница, связано с особенностями восточнохристианской патристики, признающей различные способы приобщения тварного к божественным энергиям. Византийскому мирозерцанию, по мнению автора, были свойственны скрытые истоки вероятностных идей, не реализованные в какой-либо явной форме интеллектуальной рефлексии, но содержащиеся имплицитно в идее синергии. Это отличало византийскую цивилизацию от Запада, где творение рассматривалось как приобщение с необходимостью к единому образцу (что обусловило западный классический детерминизм, которому в XX в. на смену пришел постклассический, а затем постнеклассический рационализм) и придавало Византии характер исторической парадигмы (с. 200).

Византийцы не столько творили идеологические конструкции, сколько создавали приоритеты из уже имеющегося их фонда. Временные идеологии (интересы партий цирка в раннем Константинополе, латинофилы и туркофилы в поздней Византии и т. п.) сочетались с устойчивыми, неизменными во времени мировоззренческими цивилизационными тенденциями: теория превосходства и избранности ромеев, эллинский патриотизм, значение государственной службы, престиж бюрократии и т.д. (с. 196).

К.В. Хвостова отмечает связи современных идей и методик с византийскими, в частности метафизичность общественного сознания византийцев, расширение базового смысла слов для образования новых терминов близка к современной лингвистической концепции о креативной функции языка и идее о влиянии языковых структур на менталитет. Идеи сложных сочетаний волеи, энергий и синергий, признание вероятностного характера социальной ориентации человека могло бы составить отдаленную мировоззренческую предпосылку для вероятностного анализа явлений природы и общественного поведения человека. Византизмы с их мистическими представлениями о единстве мира, единстве разума и мира чувств, деяний и представлений приобретают особый интерес в связи со стремлением ряда западных исследователей преодолеть декартовский рационализм. Восточнохристианский мировоззренческий опыт (особенно концепции исихазма) с его идеей единства мира, концепцией логосов, энергий и синергий как приобщения к благодати, актуален на современном этапе развития мировой философской мысли (с. 81 и сл.).

В то же время К.В. Хвостова не разделяет популярное среди философов и математиков суждение о саморегуляции исторических процессов, считая эти процессы результатом интенционной деятельности людей, а также полагает такие понятия синергетики, как саморегуляция, бифуркация, хаос по отношению к истории не терминами, а метафорами.

К.В. Хвостова жестко и определенно отмежевывается от глобалистского транскультурного и транссоциального подхода к принципу самоорганизации общества. Представители этого направления полагают, что социальные тенденции сохраняют свои черты на протяжении всей истории человечества. Исследовательница утверждает, что “некоторые глобальные модели – это еще не теоретическая история, а умозрительные предположения и допущения о ведущих системообразующих исторических тенденциях, не подкрепленные фактологическим анализом, не создают

перспектив для углубления исторического познания”, как и современная постмодернистская эпистемология, заменяющая понятие истины понятием новизны (с. 7–8)⁵.

К.В. Хвостова отмечает, что некоторые исследователи излишне прямолинейны в понимании византийского общественного бытия. Исследовательница полагает, что классическое определение демократии (народ как источник власти на основе равенства и свободы и признание верховенства закона) никак не может определять авторитарный режим Византийской империи, восходящий к римскому доминату (с. 82). В отличие от Запада, где в XIII–XIV вв. уже существовали представительные учреждения, в Византии с VI в. народное собрание и сенат не играли существенной роли, и при диахронном рассмотрении можно обнаружить возрастание авторитаризма в поздней Византии (с. 83).

Хотелось бы сделать и ряд замечаний: сходство пронии как условной собственности с монастырской в XIV в. (с. 62), возможно, нуждается в дополнительной аргументации, так как служба в пользу казны – главное условие предоставления пронии – для монастыря исключается. В XIV–XV вв. византийское общество оказалось в кризисных условиях военной опасности, и, возможно, следовало бы подробнее остановиться на этом “состоянии перманентной войны” (по М.Я. Сюзюмову), которое настолько отягощало жизнь империи, что становилось не только внешним, но и внутренним фактором ее бытия. Желательна была бы более четкая периодизация цивилизационных этапов развития Византийской империи. И, разумеется, отсутствие индексов затрудняет использование такой сложной работы. Эти “заметки на полях” несколько не умаляют значения новой работы К.В. Хвостовой, в которой рассмотрены социально-экономические и правовые вопросы, специфика византийской философии истории, способы ориентации в обществе, иными словами, феномены, носящие и создающие историческую парадигму византийского государства, а главное, впервые поставлена проблема прямого влияния восточной патристики и богословия на все стороны жизни Византии.

Новую монографию К.В. Хвостовой отличает четкость изложения, демонстрирующая ясность понимания сложнейших цивилизационных проблем, обретенную в ходе многолетней и успешной работы, и в то же время данный труд открывает новые пути для исследования византийской цивилизации.

В.А. Арутюнова-Фиданян

Saradi H.G. The Byzantine City in the Sixth Century: Literary Images and Historical Reality (Society of Messenian Archaeological Studies). Perpina Publications. Athens, 2006. 543 p., ill., topographical plans & maps.

Новая монография Э. Саради представляет собой фундаментальное исследование по ранневизантийскому городу. Временные рамки его значительно шире, нежели указано в заглавии, ибо автор тщательно проштудировала предшествующий VI в. период, а также последующую историю византийского города, уделяя особое внимание кризису VII в.

Э. Саради поставила перед собой цель изучить причины упадка ранневизантийского города и определить его хронологические рамки. Особый интерес у исследовательницы вызывает проблема урбанизма. Соответственно ее главный акцент – изменение городского пространства в ранневизантийскую эпоху. Однако, отдавая себе отчет в глубинных причинах подобного изменения, автор сознательно уделяет

⁵ См. также: *Хвостова К.В. Математические методы в исторических исследованиях и современная эпистемология // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 66–78.*